

Сапалова Дария Усеновна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры всемирной истории и этнологии,
главный специалист факультета довузовского
образования и профориентации
Северо-Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова

**СМЕХ И ЮМОР В ЯКУТСКОЙ
НАРОДНОЙ СКАЗКЕ
(ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Аннотация:

В якутском фольклоре имеется огромный пласт юмористических и сатирических произведений. В данной статье рассматривается отражение смеха и юмора в народных сказках якутов, их роль в социализации ребенка. На примере якутских сказок о животных, а также волшебных и бытовых историй, раскрываются воспитательные приемы смеха.

Ключевые слова:

этнос, народная смеховая культура, сказка, воспитание, формирование личности.

Sapalova Daria Usenovna

PhD in History,
Assistant Professor,
World History and Ethnology Subdepartment,
Chief Specialist, Pre-university Education
and Career Guidance Department,
North Eastern Federal University

**LAUGH AND HUMOUR
IN A YAKUT NATIONAL FAIRY TALE
(EDUCATIONAL ASPECT)**

Summary:

There is a huge layer of satirical and humorous stories in the Yakut folklore. The present article considers humour in traditional fairy tales of Yakuts, and its role in children's socialization. By case study of the Yakut stories about animals, fairy and everyday tales the author reveals the educational aspect of the humour.

Keywords:

ethnos, traditional satiric culture, fairy tale, education, personality formation.

Темой настоящей публикации является рассмотрение роли смеха и юмора в воспитании личности ребенка на примере якутских сказок. Известно, что народные сказки, вводя детей в круг неожиданных событий, превращений, происходящих с их героями, выражают высокие нравственные принципы. Они учат доброму отношению к людям, показывают высокие чувства и стремления. В сказках противопоставляется трудолюбие ленивости, добро – злу, храбрость – трусости. Симпатии детей всегда привлекают положительные качества сказочных героев: отзывчивость, смелость, находчивость, ум. Кроме того, язык сказок отличается образностью и забавностью: в нем много метких сравнений, эпитетов, выражений, диалогов, песенок, которые помогают ребенку не только запомнить текст, но и развивают его речь.

Анализируя якутские сказки, можно сказать, что в них используются все приемы, о которых говорят исследователи комического [1; 2; 3]: выявляются пороки и недостатки общества, которые в наиболее яркой и доступной форме разоблачаются. По А. Бергсону, здесь смех выполняет функцию бичевания нравов, приспособливает к среде, исправляет и сглаживает недостатки [4]. Кроме того в сказках смех, обладая психотерапевтическим эффектом, избавляет героев от возможных проблем и страхов. С.В. Березницкий отмечает, что «сарказм и жестокое высмеивание зафиксированы только в фольклоре как средства воспитания, с обязательной моралью: нельзя смеяться над животными или человеком, попавшими в беду» [5, с. 93].

Якутские народные сказки, также как и сказки других народов, делятся на три большие группы: сказки о животных, волшебные и бытовые сказки.

Ведущее место в сказках о животных занимают комические – соперничество двух персонажей, разрешаемого проделкой одного из них. В них рассказывается о диких и домашних животных, о птицах, об их совместной с человеком жизни. Из диких зверей ярче всего обрисованы лиса, медведь, волк, бурундук; из домашних – лошадь, бык, олень, собака, корова; часто встречаются птицы – гусь, журавль, утка, дятел. Каждому из этих животных свойствен свой индивидуальный характер, созданный народом на основе глубоких наблюдений.

В большей части этих сказок животные поступают так же, как люди: в изображении животных и их жизни отражены классовые взаимоотношения общества того времени, им дается оценка с точки зрения простого народа. Здесь образно изображаются также положительные и отрицательные качества людей. В сказках резко осуждению подвергаются злые угнетатели и обманщики; несправедливость и бесчестность в конце сказки обычно получают заслуженное возмездие. Например, в якутской сказке «Гусь и журавль» «жирный линиялый, самодовольный гусь» насмехается над худым, костлявым, замороженным журавлем. Однако подкравшийся с бе-

рега охотник легко убивает «толстозадого» гуся, тогда как легкий журавль «мгновенно поднимается и улетает» [6, с. 11].

Необходимо также сказать, что тема еды часто встречается в якутских сказках. Видимо, это связано с тем, что проблема выживания и адаптации для народа имела принципиальное значение в силу экстремальных природных условий проживания. Персонаж сказки «Куропатка» «летала плохо, постоянно садилась отдыхать и тем самым задерживала на перелете других птиц. Птицам это, понятное дело, не понравилось, и однажды они не взяли ее с собой на юг. Куропатка осталась зимовать здесь (*на севере – Д.С.*). Весной, когда птицы вернулись, они увидели, что куропатка за зиму не только не отошала, а даже разжирела и опереньем стала нарядней, обулась в теплые камусы. Завидев своих вероломных друзей, она пропела:

Хоть вы и улетели,
Одну меня покинув,
А я вот не пропала,
Я даже разжирела...
С тех пор куропатка постоянно зимует у нас» [7].

В сказках о животных обычно подчеркивается победа маленьких, но трудолюбивых зверей и птиц над большими и коварными хищниками. Такой сказкой является, например, «Обманщица лиса и птица Текэй, снесшая четыре яйца», где лиса, угрожая птице «измять зубами сугробистую зимой поляну, изгрызть тучную летом долину, свалить старую раскидистую иву», съедает три яйца. На помощь Текэй приходит мимо пробежавший старый бурундук, который дает совет о том, что если в следующий раз придет лиса с угрозами, то пусть она попытается привести их в действие. В результате у лисы передние зубы остаются щербатыми. Далее происходит соперничество между лисой и бурундуком. Примечательно, что в этой сказке смех выступает средством изобличения отрицательного персонажа: «Как-то он (*бурундук – Д.С.*) прослышал, что будет у лис большое собрание. Старик пошел на это собрание, набив полную пазуху мелкой древесной гнилью, собранной со всего леса. Придя на собрание, старый бурундук выступил на нем, а потом, словно бы в шутку, пустился в пляс. Когда он подпрыгивал, у него из пазухи облаком вылетела древесная пыль, и это всех смешило. А бурундук плясать-то плясал, но и зорко поглядывал на смеющихся лис. Он увидел, как одна лиса прикрывает лапой рот со щербатыми передними зубами. Тогда старик схватил ее за загривок и на глазах у всех начал охаживать кочергой. Бил, бил, чуть до смерти не забил» [8].

В большинстве таких сказок дается объяснение по происхождению тех или иных зверей и птиц в местах их нынешнего обитания, особых признаках их породы, что позволяет детям дошкольного возраста в доступной форме получить ответы на свои многочисленные вопросы о распространении животных в этих местностях. Так, в вышеуказанной сказке «Обманщица лиса и птица Текэй, снесшая четыре яйца» дается объяснение генезису лисы-сиводушки (красная лиса) и появлению полосатости у бурундука. В сказке «Лошадь и олень» показывается процесс одомашнивания лошади, а в сказке «Хвастливая лягушка» – выпученность глаз и происхождение пятен на животе лягушки [9].

В волшебных сказках широко используется характерная для данного жанра фантастика: отражаются чудесные события, герои их наделены необычайными способностями и огромной силой. Они борются со сверхъестественными чудовищами, преодолевают большие расстояния, совершают героические подвиги, используют помощь зверей и птиц, владеют волшебными предметами и словами, перед которыми беспомощны злые силы. В них также зачастую переплетаются свадебные испытания, где мифологические существа, временно сбросив страшную (или звериную) оболочку, принимают человеческий облик: «Вышла из юрты дочь восьминогого абаасы, в железные одежды одетая, с одной крученой ногой, с одной единственной крученой рукой, с одним, на середине лба, мутным, холодно блестящим глазом, с длинным черным языком, спускающимся на грудь. Схватила она девушку, стащила с лошади, сорвала кожу с ее лица и напялила на свое лицо. Весь красивый убор сняла с нее – сама в него оделась. Сделав это, села дочь абаасы на чубарую лошадь и поехала на восток.

Харжит-Берген догнал ее, когда она уже подъезжала к юрте его отца. Не догадался жених, что за невеста едет с ним рядом» («Старуха Бяйбярикян с пятью коровами») [10].

Вместе с тем, фантастика этих сказок тесно связана с жизнью и бытом народа, она также выявляет пороки общества и в наиболее яркой и доступной манере наказывает их. К примеру, в сказке «Онгей Бетюк» описана жадность богача, позарившегося на единственный предмет, который был у бедняка Онгей Бетюка – жернов, за что и поплатился: «В юрте богача уже и огонь погас, все домашние предметы опрокинулись, все было залито водой, а сам он стоял по горло в

воде и просил спасти его» [11]. Надо отметить, что у якутов культ огня был связан с культом домашнего очага, следовательно, и с семейно-родовым культом. По их традиционным представлениям вода и огонь считались несовместимыми явлениями. По народному поверью, если при проведении обрядов, связанных с водой, совершить обряды, связанные с огнем, то случится несчастье, в связи с этим запрещалось плевать на огонь, гасить его водой [12]. Это было равносильно уничтожению рода, который владел этим священным очагом [13, с. 244].

В волшебных сказках зачастую в качестве персонажей выступают как природные (солнце, вода, земля, гора), так и атмосферные явления (ветер, снег, туча) («Бабушка Чачакан-Чачакан», «Как ветер к великой горе ходил» и другие) [14]. Наделяя их сверхъестественными силами, народ, таким образом, пытался объяснить происхождение непонятных ему природных явлений.

В бытовых сказках якутов также отражается классовое противостояние, где, как правило, богача побеждает бедняк («Богач Боилыт и бедняк Берт-Эрь», «Находчивый Савва», «Удюргай-батыр» и другие) [15]. В таких сказках, обычно, богатый хозяин характеризуется скупым, жадным, беспощадным человеком по отношению к своим батракам. Таких людей высмеивают и делают предметом презрения: «Богач Хара-Хаан был похож на огромного паука: если кто по нужде непредвиденной попадал в его сети, он не выпускал его до самой смерти» («Удюргай-батыр» – «Корень-богатырь»).

Положительный герой – это простой человек. У него нет богатства, власти, но он наделен смелостью, отзывчивостью, справедливостью и трудолюбием: «Старые люди говорят: доброе сердце да умелые руки – самое большое богатство» («Харах-симирики») [16]. «Несмотря на то, что иной раз им приходилось ничего не есть, они все-таки держались, не ходили на грабеж» («Богач Боилыт и бедняк Берт-Эрь») [17].

Бытовые сказки повествуют и о взаимоотношениях членов семьи, где широко используется народная сатира, имеющая большое воспитательное значение. В этом смысле очень поучительна для детей сказка «Бычы-Бычехан и Лягляр-Бергесе», рассказывающая о двух людях, называющих себя друзьями, однако поплатившихся своей жизнью из-за собственной жадности: «Старые люди говорят, что если бы они не только называли один другого “друг”, но и в самом деле дружили, ничего плохого с ними бы не произошло и они жили бы себе да жили. Может, и до наших дней бы дожили» [18]. Содержательна в этом смысле и сказка о забавном старике, который имел трех жен и трех коров («Имеющий трех коров и трех жен старик Тээп-Тээп»). Несмотря на то, что выше всего ставил значение своего имени, он его забывал и пытался вспомнить ценой жен и коров. В конце концов, старик остался ни с чем и погибает [19, с. 350–357].

Часто в сказках описывается забавная ситуация, где высмеиваются недостатки богача, скупость хозяина, греховность шамана или просто отрицательные черты характера и дурные привычки человека. М.М. Бахтин отмечал, что смеховая культура народа внецерковна и внерелигиозна [20]. Видимо, поэтому в якутских сказках острые сатиры иногда было направлено по отношению к шаманам. Так, в сказке «От Сагыннах – Травяная Доха» главный герой От Сагыннах с помощью заклинания заставляет прилипнуть к кровати старика Харах Хаана вместе со своей старухой, их дочь с зятем и двух работников. Харах Хаан, чтобы снять чары, отправляет его Кыкыллан-шаману. Однако От Сагыннах и здесь втягивает шамана в нелепую ситуацию, когда у того при «справлении большой нужды» прилипает к его «заду палка от священного дерева кэрэха», и для того, чтобы она отлипла От Сагыннах предлагает «поцеловать в копчик белобокого быка», и тогда «Губы шамана тут же и прилипли. Почуввав неладное, старый колдун заорал от обиды. До сих пор он над людьми всякие чудеса проделывал, а тут с ним самим вроде бы подвластные ему духи злые шутки шутят». В таком виде «парень с шумом-громом вводит в дом быка, бык тянет за собой шамана, а шаман волочит за собой палку из священного дерева кэрэх. Измученный, готовый от позора провалиться сквозь землю, шаман сразу же признался: – Помощи от меня не ждите. Видите, что со мной самим сделал этот парень? Если шаман им ничем помочь не может, самим и подавно от беды не избавиться. Все стали просить От Сагыннаха, чтобы он освободил их. В самом неудобном и постыдном положении был шаман, и он просил особенно настойчиво» [21]. Освободив всех с помощью заклинания, главный герой получает все богатство шамана, половину богатства Харах Хаана и женится на его дочери.

Основными составляющими такого рода сказок были социальные нормы, моральные принципы и нравственная сторона общественного устройства. В них проповедуется доброта, находчивость, ум, вежливость, готовность прийти на помощь друг другу и высмеивается скупость, лень, злость, глупость, сварливость и другие пороки людей.

Таким образом, сказка выполняет воспитательную функцию с самого детства ребенка, помогает ему легче социализироваться в обществе, позволяя в доступной форме усвоить нормы общественного порядка и правила поведения. Огромную роль в выполнении этих задач играл смех, смеховая культура народа.

Ссылки:

1. Балина Л.Ф. Структура смехового мира в культуре (культурология смеха). Тюмень, 2010.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
3. Дземидок Б. О комическом. М., 1974.
4. Бергсон А. Смех. М., 1992.
5. Березницкий С.В. Смех в культуре дальневосточных этносов // Вестник ДВО РАН. 2007. № 3. С. 93–101.
6. Якутские сказки / сост. Д.К. Сивцев-Суорун Омоллоон, П.Е. Ефремов. Якутск, 1990.
7. Там же. С. 32.
8. Там же. С. 38.
9. Там же. С. 11, 17, 38.
10. Там же. С. 136.
11. Якутские народные сказки. URL: <http://nskazki.nm.ru/yak.html> (дата обращения: 16.09.2011).
12. Сапалова Д.У. Параллели в религиозных верованиях кыргызов и якутов // Аналитика культурологии: электрон. науч. изд. 2007. № 3 (9). Рег. № 0420700022/0119. URL: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/category/wp_all_issues/2007-3 (дата обращения: 20.12.2007).
13. Захарова А.Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по мат-лам олонхо). Новосибирск, 2004.
14. Якутские сказки ... С. 173.
15. Там же. С. 293, 300.
16. Там же. С. 127.
17. Там же. С. 300.
18. Там же. С. 257.
19. Якутские народные сказки / сост. В.В. Илларионов, Ю.Н. Дьяконова, С.Д. Мухоплева и другие. Новосибирск, 2008.
20. Бахтин М.М. Указ. соч. С. 10.
21. Якутские сказки ... С. 118.

References:

1. Balina, LF 2010, *The structure of the comic world in culture (cultural studies laughter)*, Tyumen.
2. Bakhtin, MM 1990, *Creativity Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance*, Moscow.
3. Dzemidok, B 1974, *On the Comic*, Moscow.
4. Bergson, A 1992, *Laughter*, Moscow.
5. Bereznitsky, SV 2007, 'Laughter in the culture of the Far Eastern ethnic groups', *Bulletin FEB RAS*, no. 3, pp. 93-101.
6. Sivcev-Suorun Omolloon, DK & Efremov, PE (comp.) 1990, *Yakut tale*, Yakutsk.
7. Sivcev-Suorun Omolloon, DK & Efremov, PE (comp.) 1990, *Yakut tale*, Yakutsk, p. 32.
8. Sivcev-Suorun Omolloon, DK & Efremov, PE (comp.) 1990, *Yakut tale*, Yakutsk, p. 38.
9. Sivcev-Suorun Omolloon, DK & Efremov, PE (comp.) 1990, *Yakut tale*, Yakutsk, pp. 11, 17, 38.
10. Sivcev-Suorun Omolloon, DK & Efremov, PE (comp.) 1990, *Yakut tale*, Yakutsk, p. 136.
11. *Yakut folk tales* 2011, retrieved 16 September 2011, <<http://nskazki.nm.ru/yak.html>>.
12. Sapalova, DU 2007, 'Parallels in the religious beliefs of the Kyrgyz and Yakuts', *Analysis of Cultural Studies: an electron. scientific. ed.*, no. 3 (9). Reg. Number 0420700022/0119, retrieved 20 December 2007, <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/category/wp_all_issues/2007-3>.
13. Zakharova, AE 2004, *Archaic ritual and ceremonial symbolism of the Sakha people (based on olonkho)*, Novosibirsk.
14. Sivcev-Suorun Omolloon, DK & Efremov, PE (comp.) 1990, *Yakut tale*, Yakutsk, p. 173.
15. Sivcev-Suorun Omolloon, DK & Efremov, PE (comp.) 1990, *Yakut tale*, Yakutsk, pp. 293, 300.
16. Sivcev-Suorun Omolloon, DK & Efremov, PE (comp.) 1990, *Yakut tale*, Yakutsk, p. 127.
17. Sivcev-Suorun Omolloon, DK & Efremov, PE (comp.) 1990, *Yakut tale*, Yakutsk, p. 300.
18. Sivcev-Suorun Omolloon, DK & Efremov, PE (comp.) 1990, *Yakut tale*, Yakutsk, p. 257.
19. Illarionov, VV, Dyakonova, YN & Muhopleva, SD (comp.) 2008, *Yakut folk tales*, Novosibirsk.
20. Bakhtin, MM 1990, *Creativity Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance*, Moscow, p. 10.
21. Sivcev-Suorun Omolloon, DK & Efremov, PE (comp.) 1990, *Yakut tale*, Yakutsk, p. 118.